

К. С. Ингерфлом

РЕКВИЕМ ПО ПАРАДИГМЕ «ГОСУДАРСТВО — ОБЩЕСТВО»

doi: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-74-83

УДК 930.2

ББК 63.01

Р. Козеллек заложил и развил основы понимания истории как процесса во множественном числе. *Begriffsgeschichte* — это не просто история понятий. Концептуальная история предполагает исследовательскую работу, которая зиждется на теории исторических времен и наоборот, теорию, постоянно проверяемую конкретными историческими исследованиями. С этих позиций автор настоящей статьи подчеркивает неуместность эволюционистской и телеологической парадигм, используемых в рамках позитивистского подхода к изучению истории. Отмечается, что уже с первой трети XIX в. исследование истории каждой страны проводилось в контексте противопоставления «государство — общество». Это обусловило трансформацию сформированных в эпоху модерна понятий в аналитические категории для прочтения более ранних источников и современной интерпретации далекого прошлого. Существованию подобного взгляда на историю способствуют две причины: 1) политическая — направленная на искусственное создание длительной генеалогии государства, которая использовалась диктаторскими режимами, желающими придать себе прочную историческую легитимность; 2) эпистемологическая, являющаяся следствием некорректного отождествления слова и понятия. Такое смешение основано на предположении, что слова представляют идеи, которые содержат постоянное семантическое ядро, то есть идеи могут адаптироваться к изменениям, но ядро не изменяется. Обозначенная установка, по мнению автора, приводит к когнитивному тупику. Яркой иллюстрацией такого положения является употребление словосочетаний «феодальное государство» или «государство Средневековья», во время существования которых само слово *государство* (“estado, state, état”) означало «достоинство», «статус» и могло иметь другие коннотации, но не имело того смысла, которое оно приобрело, когда стало *понятием*, означающим правовой и политический порядок, основанный на народном суверенитете, представительстве, равенстве и других явлениях, рожденных Французской революцией. В России значение понятия «государство» изменилось в конце XVIII в. при одновременном сосуществовании предшествующей патримониалистской семантики, присущая как термину «государь», так и реальному функционированию русской имперской системы. Эта традиционная семантика присутствовала и в XX в. как в императорской семье, так и в народе. Следовательно, историк обязан принимать во внимание как повторяемость структур, так и уникальность событий. В результате проведенного исследования автор приходит к заключению о необходимости выявлять сосуществование различных темпоральностей, современность того, что не является современным, и избегать разделения на диахронию и синхронию. Именно такой подход в наибольшей степени отражает основную эвристическую ценность теории исторических времен Козеллека для конкретно-исторических исследований.

Ключевые слова: *Козеллек, концептуальная история, история понятий, государство, понятие, историография, телеология, анахронизм*

Наша наука работает под неявным началом телеологии
(Unsere Wissenschaft arbeitet unter einem stillschweigenden Vorgebot der Teleologie).
Р. Козеллек¹

«Понятие есть нечто большее, чем слово»

Не нужно быть специалистом по истории России, чтобы понять, что ее политическая история глубоко отличается от политической

истории стран Западной Европы. В дихотомии «государство — общество» в отношении России традиционно отмечаются значимость и роль очень мощного и активного государства, подавляющего слабое общество, в то время как на Западе отношения между государством и обществом более сбалансированы.

Изучение российской истории представляет большой интерес с точки зрения конфликтных или неконфликтных отношений между государством и обществом.² Эти два понятия действовали в качестве аналитического инструмента,

¹ Koselleck R. Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft // *Zeitschriften. Studien zur Historik*. Frankfurt am Main, 2000. S. 309.

Ингерфлом Клаудио Серхио — с.н.с. Национального центра научных исследований Франции, профессор, директор бакалавриата по истории и магистратуры по концептуальной истории; Национальный университет генерала Сан-Мартина (Аргентина, г. Буэнос-Айрес)
E-mail: claudio.ingerflom@gmail.com

² В настоящей статье освещается лишь один концепт парадигмы — государство.

позволявшего понять советское настоящее и монархическое прошлое. Вне всяких сомнений, в России всегда существовали центральное правительство и местные власти. Царь осуществляет правление, небольшое Московское княжество подчиняет себе соседние политические образования, возникает империя. Россия демонстрирует свое могущество сначала Швеции, затем Наполеону, прежде чем превратиться в «жандарма Европы» в 1848 г., а спустя столетие заявить о своей первостепенной роли в победе над нацистской Германией. Но о какой юридической и политической организации идет речь? Вписывается ли она в «тип правительности»³ (по М. Фуко), который со времен Французской революции мы называем государством? В качестве отправной точки для своих исследований мы выбрали российские формы народного противостояния самодержавию. Однако именно эти формы позволили постепенно увидеть другие, особые формы *господства*.⁴ И чем понятнее становились формы *господства*, тем больше ускользала государственная парадигма, казавшаяся ранее естественной, которая с середины XIX в. лежала в основе традиционного подхода к российской истории.

История государства, заложенная в данной парадигме, — это кантианская история идей, рассматривающая последние как единицы, адаптирующиеся с течением времени к новым условиям, но при этом наделенные постоянным смысловым ядром, лишенным истории, что позволяет и в первобытном обществе разглядеть современное государство.⁵ Если мы

подойдем к рассмотрению истории совершенно иначе и будем принимать во внимание изменение значения слов и идей, то, как они *используются* и в каком *контексте*, а также роль акторов, мы обнаружим их историчность, то есть их *границы*. Эти границы не относятся исключительно к прошлому, в котором государства еще не существовало. Было бы излишним приводить актуальные примеры из современной Европы, где такие основополагающие элементы государств-нации, как суверенитет или воля народа, оказываются подорванными или отброшенными наднациональными политическими институтами или экономикой. Понятие «государство» сегодня уже не в полной мере отражает действительность. Дж. Дузо и Падуанская школа провели блестящие исследования в этой области.⁶ К. Скиннер мастерски рассмотрел с диахронической точки зрения значение термина «государство»: начиная с XV в., с его *status, estat, stato* и *state* как «состояние, позиция, престиж» самих правителей, и вплоть до государства как автономного субъекта политической деятельности. Кембриджский историк отказался от очевидной и обманчивой последовательности, чтобы высветить прерывистость, имевшую место в прошлом.⁷ У Р. Козеллека изменения также связаны с определенным временным периодом: «Только с концом эпохи Просвещения Государство само становится определенным образом реальной личностью, его юридическая конструкция или метафорическое тело принимаются, возникает государство как понятие, чтобы стать в дальнейшем субъектом автономной деятельности».⁸

Поиск историчности позволил М. Фуко произнести фразу, имевшую фундаментальное значение для всех рассуждений об истории государства: «И что я вам хотел бы показать,... — так это то, каким образом можно включить возникновение государства как основополагающего политического механизма в... историю, правительности ..., но я скажу: разве те, кто говорят о государстве, кто создает историю государства, его развития... не являются ли они именно теми, кто развивает сущность через

³ Оригинальный французский термин является неологизмом Фуко, который происходит от слова «управлять», «править» (фр. *gouverner*) добавлением суффикса *-al-* (превращающего слово в прилагательное) и суффикса *-ité-* (превращающего слово в абстрактное существительное). При этом основу слова (*gouverner*) следует понимать расширительно: это не просто управление в смысле управление государством, а управление в том смысле, как его понимали до XVIII века, включающее в себя проблему самоконтроля, руководство семьей и детьми, управление домашним хозяйством, направление души и т. д.

⁴ Об этом методологическом приеме см.: Foucault M. *Dits et Écrits 1954–1988*. Paris, 1994. Т. 4: 1980–1988. Р. 225.

⁵ Например, государство, возможно, «явилось фундаментальным новшеством в конце III тыс. до н. э.»; см.: Forest J.-D. *Mésopotamie, l'apparition de l'État, VIIe–IIIe millénaire*. Milan, 1996. Р. 241–244. Процитировано Жаном-Луи Юо (Jean-Louis Huot) в работе: *Vers l'apparition de l'État en Mésopotamie. Bilan des recherches récentes* // *Annales. Histoire, Sciences Sociales*. 2005. Vol. 60, № 5. Р. 973, который далее добавляет: «В течение этих четырех тысяч лет (начиная с конца VII в. вплоть до конца III тыс.), в этой стране перешли от незначительно связанных между собой сельских общин к *Государству* в современном смысле этого слова. Интересующий нас период находится на стыке первобытной истории и истории». (выделено мной — К. И.).

⁶ См.: Duso G. *Oltre il nesso sovranità-rappresentanza: un federalismo senza Stato?* // *Ripensare la Costituzione*. Milan, 2008. Р. 183–201.

⁷ См.: Skinner Q. *From the state of princes to the person of state* // *Visions of Politics*. Cambridge, 2002. Vol. 2. Р. 368–413.

⁸ Koselleck R. *Staat und Souveränität* // *Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 27.

историю, теми, кто и создает онтологию того, что было бы государство? А что если государство — это не что иное, как способ правительности? Что если бы государство было нечем иным, как разновидностью правительственности? <...> Государство — это не что иное, как превратность правительства, и не правительство является инструментом государства. Во всяком случае, государство — это превратность правительности».⁹

Та же озабоченность, сопровождаемая экзистенциалистской потребностью понять варварство, творимое государством в XX в., привела Р. Козеллека, помимо прочего, к археологии понятия государства, и здесь хотелось бы упомянуть несколько моментов. Концептуальная история, ярким представителем которой является Козеллек, была создана в противовес *переносу современных понятий в прошлое*. С одной стороны, учитывая давность слов, ставших понятиями, он считал, что «наступление современной эпохи в ее концептуальном аспекте может быть полностью понято лишь в том случае, если мы также примем во внимание прежний смысл изучаемых слов, или примем вызов, связанный с созданием новых структур».¹⁰ Его рассуждения касаются немецкого языка, хотя это правомерно и в отношении латинской группы языков: «Семантика слова государство (*Staat*) и его референтные поля в эпоху Французской революции частично изменились, и это произошло очень быстро. Лишь с этого момента слово становится в немецком языке фундаментальным понятием, которое не может быть заменено никаким другим выражением».¹¹

С другой стороны, Козеллек четко отделил понятие от слова, даже при идентичности означающее их общее. Различие семантическое и историческое: «...понятие тоже связано со словом, но в то же время это больше, чем просто слово: слово становится понятием, когда полнота политико-социального контекста значения и опыта, в котором и для которого используется определенное слово, глобально интегрирована в этом единственном слове».¹²

⁹ Foucault M. *Sécurité, territoire, population*, Cours au Collège de France (1977–1978). Paris, 2004. P. 253.

¹⁰ Koselleck R. *Enleitung // Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart, 1972. Bd. 1. S. 18.

¹¹ Idem. *Staat und Souveränität // Geschichtliche Grundbegriffe... Bd. 6. S. 24.*

¹² Idem. *Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main, 1995. S. 119.

Государственная парадигма заводит в тупик

Понятие «государство» — это показатель и фактор именно «той полноты политико-социального контекста значения и опыта», которая вызревает начиная с XVII в. и реализуется благодаря Французской революции. Именно об этом понятии и идет речь в парадигме — собирательное существительное в единственном числе, образовавшееся в Европе приблизительно к 1800 г.¹³ Оно выражает «действующий субъект, наделенный собственной волей»¹⁴ и синтезирует совершенно новую структуру, характеризующуюся суверенитетом и народным представительством, деперсонализацией власти, исчезновением сословий... Хотя Козеллек резюмировал эти изменения в отношении Германии, переход от слова к понятию применителен и в отношении России: «Вплоть до 1800 г. термин “*Staat*” имел множество значений, связанных с сословиями, сфера, в которую можно было попасть чисто факультативно, например, “*Staat*” как “помпезность”, “положение”, либо связанных факультативно с такими сферами, как “королевское государство”, “двор”,¹⁵ и т. д. К 1800 г. “*Staat*” [государство] занимает монополистическую и, казалось бы, эксклюзивную позицию, поглотив при этом практически все предыдущие коннотации, связанные с определенным статусом. Отныне история данного понятия претерпевает концентрацию всех значений, сводя их “по преимуществу к государству”. “*Staat*” достигает своей новой концептуальности, превратившись в “*moderner Staat*” [современное государство]. Оно становится действующим субъектом с собственным волеизъявлением, реально сформировавшейся великой личностью, организмом и организацией, где рождается общество, образованное народом в государстве. Оно становится “идеальным государством” вне его институционального смысла (“государство само по себе и для себя”), с которым соотносятся все эмпирические государства. “Государство”, как новое собирательное существительное единственного числа, включает в себя все

¹³ Idem. *Die Geschichte der Begriffe und Begriffe der Geschichte // Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik des politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main, 2006. S. 66.

¹⁴ Idem. *Staat und Souveränität // Geschichtliche Grundbegriffe... Bd. 6. S. 25.*

¹⁵ Hofstaat — буквально «придворное государство» в значении «придворное общество», формулировка, предложенная Норбертом Элиасом.

конституционные определения государственного права».¹⁶

Будучи понятием, оно является *показателем* юридического и политического образования, а также одним из его акторов и *факторов*: люди будут бороться, чтобы его укреплять или разрушать. Начиная с первой трети XIX в. это понятие становится также аналитическим: историки начинают изучать и интерпретировать прошлое, исходя из устройства государства.

В. Конце обобщил этот процесс и его последствия буквально в нескольких строчках: «Отто Хинтце заявил в 1931 г., что общее понятие государства сформировалось в эпоху “современного государства”, развивалось на основе характеристик, которые считались типичными для нее, а затем “перенесенных” из “самого последнего актуального типа современного государства” на прежние структуры. Таким образом, если довести следствие до крайности, можно прийти к выводу, что “средневековое государство” само по себе никогда не существовало и возникло лишь недавно вследствие такого подхода. Хинтце задается вопросом, каким образом такой концептуальный анахронизм влияет на наше нынешнее понимание средневекового устройства: облегчает ли он восприятие, мешает ему или, может быть, даже деформирует его».¹⁷

Проблема заключается в том, что новая структура, для которой было создано понятие «государство», никогда ранее не существовала. Но для значительной части историографии это, похоже, вообще не имеет никакого значения. Поскольку настоящее представляется результатом прошлого, она считает возможным интерпретировать его как *единственно* возможный результат. Историки начали изучать генезис государства, выстраивая отдельные элементы прошлого так, словно они были его семенами, и пренебрегая другими.

Понятие «государство», если рассматривать его относительно российских источников с XVI приблизительно до конца XVIII или до начала XIX в., оказывается неправомерным. Данное понятие (не слово) отсутствует в русском языке той эпохи либо оказывается непереводаемым. Это понятие несовместимо с юридическим и политическим устройством самодержавия, его

формами господства и юридическим расслоением общества на сословия вплоть до 1917 г. В середине и во второй половине XIX в., когда данная парадигма господствовала в академических трудах, особенно тех ученых, которые принадлежали к государственной школе, политическая и социальная структура Российской империи также не соответствовала, скажем, французской структуре, показателем которой являлось понятие государство (*État*). Будучи понятием аналитическим, оно оказывается бесполезным как в отношении прошлого, так и в отношении России XIX в. С тех пор в результате его широкого употребления фактическая структура, которую понятие синтезирует, оказалась вытеснена метаисторической спекуляцией. Как и в случае с латинским *statu* и его версиями в других языках, русское слово *государство* не охватывало весь политический и социальный опыт, заключенный в *понятии*. Однако называть государством то, что не соответствует данному понятию, значит терять смысл последнего, а для исследователей, в свою очередь, терять смысл языка источников. Тупик, в который нас заводит государственная парадигма, очевиден и непреодолим.

Тем не менее, поскольку предпосылки формирования парадигмы носят теоретический характер, ее влияние на историографию не ограничивается лишь русским примером. Периодическое использование данного понятия для изучения всех эпох, включая самые отдаленные, и одновременно отсутствие критического осознания его принадлежности к позднему европейскому модерну спонтанно придали ему метаисторический статус нейтральности и экстерриториальности при изучении и интерпретации прошлого. В немецкой научной мысли, имевшей, как известно, большое влияние на российских историков, которые пытались в XIX в. отыскать в Московии XVI в. государство, выражение “*moderne Staat*” появляется между 1830 и 1840 гг. и относится прежде всего к конституционному государству.¹⁸ В результате сегодня парадигма скрывает свой первоначальный контекст, умалчивая, что соответствующее ей понятие «государство» (или «современное государство») исторически и теоретически датировано, так как относится к новой политической

¹⁶ Conze W., Klippel D., Koselleck R. Staat und Souveränität // Geschichtliche Grundbegriffe... Bd. 6. S. 2.

¹⁷ Ibid. S. 6; Conze se réfère à Otto Hintze, “Wesen und Wandlung des modernen Staats” (1931), en Hintze O. Staat und Verfassung, gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte. Göttinga, 1962. S. 470 et set.

¹⁸ См.: Skalweit S. Der “moderne Staat”. Ein historischer Begriff und seine Problematik // Der “moderne Staat”. Ein historischer Begriff und seine Problematik, Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Opladen, 1975. Vorträge G 203. S. 17, 18.

реальности первой половины XIX в., когда в Западной Европе возникла необходимость укрепить либеральное государство, наделив его историческими корнями.¹⁹

Антителеологический манифест

Данный подход к истории превращает навивный анахронизм в эталон и делает телеологию своим видением истории. Однако на великолепных и новаторских страницах Э. Кине разоблачил ее очень рано, в 1857 г.: «Национальное прошлое больше интересовало потому, что в нем стремились разглядеть ростки нового свободного государства. [Историки] разрабатывали свою историческую систему во времена конституционной монархии, либо в короткие годы Республики. На какую бы точку зрения они ни становились, они отражали в своих работах *тот политический порядок, при котором жили*. Будучи убежденными в том, что режим парламентского всевластия является высшей точкой в истории Франции, они считали, что все предыдущие эпохи служили подготовкой к этой новой эре. <...> Они верили, что перед их глазами провиденциальное завершение работы прошлых веков, и все в прошлом, казалось им, тяготело к этому настоящему, которое они считали безупречным. Следуя этой логике, они изучали Средневековье и Новое время. И не было такой проблемы, которую бы они не объяснили или прояснили с этой позиции! <...> Метод..., примененный к нашей истории [тот же], которым пользовались Отцы Церкви и схоластики, изучая историю еврейского народа, ...воспринимая ее как подготовку к приходу Мессии. События приобретают свой истинный смысл лишь при условии, что ожидания оправдались... Подражая данной системе, историю Франции рассматривали как священную историю, нашедшую свое окончательное толкование в политической эре, начавшейся с момента наступления конституциональной власти девятнадцатого века»²⁰ [выделено мной — К. И.].

Безусловно, невозможно понять прошлое, руководствуясь исключительно словами, найденными в источниках. Нам необходимы трансцендентальные категории, теория истории, позволяющая охватить временные изме-

нения, иначе мы будем отрицать историю.²¹ Но если мы вновь обратимся к России, структура власти и тип правления при Иване Грозном и Петре I будут неизбежно искажены при попытке усмотреть в их правлении создание государства и образование современного государства, применив аналитическое понятие, относящееся к концептуальным инструментам современного публичного права, которое становится понятным лишь после Французской революции. То, что в Западной Европе мы можем назвать новой историографией права, поставило под вопрос уместность формулировки “Modern State, État moderne, Estado moderno...”²² и сделало нелегитимным использование понятия государства в отношении структур правления старого порядка в Европе и других странах. Этот здоровый ревизионизм, так же как и отрицание Кине спонтанной анахронической и телеологической конструкции, действуют в случае с Россией *mutatis mutandis*. Несовместимость российского права и *государственного* правопорядка можно сравнить с тем, что отличает последнее от права старого порядка в Испании, Италии и Франции.

Россия, которая, как предполагалось, должна была превратиться в современное государство со времен Петра I, особенно хорошо поддается концептуальному пересмотру, аналогичному тому, которое предлагает новая историография права. Напомним, что Романовы рассматривали всю страну как свою личную собственность вплоть до их свержения. Они согласились дать конституцию только в начале XX в. и то только под революционным давлением восставшего народа.²³

²¹ “Es wäre ein theoretisch nicht einlösbarer Kurzschluß, Geschichte nur aus ihren eigenen Begriffen, etwa als Identität von sprachlich artikuliertem Zeitgeist und Ereigniszusammenhang, zu begreifen.” (Koselleck R. Die Geschichte der Begriffe und Begriffe der Geschichte // Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik... S. 118, 119).

²² Abadía J. L. España y la Monarquía universal (en torno al concepto de “Estado moderno”) // Quaderni Fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno. 1986. № 15. P. 109–166; Clavero B. Tantas personas como Estados. Por una antropología política de la historia europea. Madrid, 1986; Idem. De un estado, el de Osuna, y un concepto, el de Estado // Anuario de Historia del derecho español. Madrid, 1987. T. 57. P. 945–964; Hespanha A. Visperas del Leviatán. Instituciones y poder político (Portugal, siglo XVII). Madrid, 1989; Schaub J.-F. Le Temps et l’Etat. Vers un nouveau régime historiographique de l’Ancien régime français // Quaderni Fiorentini. 1996. № 25. P. 127–172.

²³ Во время переписи населения в 1897 г. Николай II представил себя как «Император..., Хозяин русской земли». Когда революция 1905 г. вынудила его дать России Конституцию, его брат напомнил ему при свидетелях, что он не имеет право это делать: «Россия принадлежит всей нашей семье». См.: Пресняков А. Е. Самодержавие Николая I // Русское прошлое. Пр.; М., 1923. Вып. 2. С. 4, 5. Цитируется в: Cherniavsky M.

¹⁹ Слово «западный» используется для удобства, с учетом того, что в Европе и в остальном мире политические структуры неоднородны.

²⁰ Quinet E. Philosophie de l’histoire de France. Postface de Jean-Michel Rey. Paris, 2009. P. 18–21.

«Временные отложения»:
настоящее прошлое²⁴

Случается, что различные трактовки русской и советской истории не только отличаются друг от друга, но зачастую характеризуются непримиримыми позициями в силу различных политических обстоятельств и противоположных идеологических позиций их авторов. Однако парадигма, на которой строятся эти трактовки, остается неизменной — роль государства и его отношения с обществом. Эта *теоретическая конвергенция* усиливает гипотезу, возникшую в результате когнитивного тупика, упомянутого в начале статьи: ни сверхученость, ни дополнительно накопленные факты не позволят нам выйти из этого тупика. Нужно менять курс. Обратиться к источникам, с полным сознанием того, что наши современные понятия обозначают сегодня, то есть осознание их ограниченности, чтобы почувствовать себя в другой обстановке, в другом временном пространстве.²⁵ Это может быть и другое культурное пространство: задача заключается в том, чтобы признать различия и *децентрализовать* историю.²⁶ И ради этого не будем бояться действовать как антропологи, прислушаемся к локальному языку субъектов, чтобы идентифицировать смысл, который они вкладывают в свои слова, вместо того чтобы приписывать им наши понятия. Данные действия погружают нас непосредственно в язык субъектов, приближают максимально близко

к реальности, которую мы пытаемся понять. Западноевропейские политические понятия, которыми мы сегодня оперируем, не нейтральны — они возникли, будучи изначально определенными конкретной историей своего места происхождения. Но вместе с тем они широко распространены и наделены универсальной эвристической амбицией.²⁷ Итак, какими аналитическими инструментами мы располагаем, чтобы проводить исследования различных культурных ареалов и чуждых этим понятиям эпох, избегая при этом воспроизведения того же несоответствия между инструментами и историями этих различных ареалов, которое существует между современными западными понятиями и, в нашем случае, русскими словами из прошлых веков? Очевидно, что восстановление смысла, которым были наделены местные слова, недостаточно.

Мы сталкиваемся одновременно с теоретической и практической проблемами. Как осмыслить *историчность* многовекового обозначения, понимая, что его значение претерпевает глубокие изменения, непостижимые, если рассматривать их только с диахронической точки зрения? Как избежать ловушки, заключающейся в том, чтобы думать, что речь идет об эволюционном процессе как явлении, развивающемся в *единственном и хронологическом* времени? Слово “*état*”, каждый раз, когда мы его употребляем, может *иметь какое-то одно значение*. Оно может обозначать третье сословие (*le Tiers état*), состояние здоровья (*l'état de santé*) или финансовое состояние (*l'état financier*) и т. д. Понятие “*État*” («государство»), как любое фундаментальное политическое понятие, *неизбежно будет полисемичным и спорным*, так как объединяет различные элементы и значения: территорию, население, легитимность, представительство, суверенитет, налоги, аппарат правосудия, армию и т. д., но оно обозначает их *в целом* — это собирательное существительное единственного числа, как уже говорилось ранее. Однако каждая из его составляющих имеет в действительности свою историю, свой срок существования, свой механизм мутаций. Каждая из составляющих перемещается в различных направлениях, движимая различными социальными секторами. Из этого многообразия следует, что понятия «не имеют истории, они ее

Tsar and People. Studies in Russian Myths. New Haven; London, 1961. P. 90. Петр Л. Барк, министр финансов с 1914 г. до отречения Николая II, напоминает в своих мемуарах, что Николай II рассматривал огромную территорию Российской империи как унаследованную им земельную собственность, его личную собственность, см.: Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. Париж. 1955. Т. 43. С. 22, 23. Цит. по: Lieven D. Nicholas II. Twilight of the Empire. New York, 1996. P. 113.

²⁴ Koselleck R. Zeitschichten [1995] // Zeitschichten. Studien zur Historik. Frankfurt am Main, 2000. S. 19–26.

²⁵ «В отношении настоящего, прошлое это тоже смена обстановки» (Braudel F. Écrits sur l'histoire. Paris, 1969. P. 59).

²⁶ В XIX и XX вв. *sawlat* на персидском, как и *dawla* в исламских языках, использовался для обозначения одновременно государства и правительства. Корень слова *dawla* — *d.w.l.* — означает вращать, например вращать колесо фортуны, приводящее одну группу людей вверх, а другую вниз (Lewis B. Hukumet et Devlet // Belleten. 1982. Cilt 46, Sayı 182. S. 415–421). В корейском языке семантика слова *kukka* касается одновременно семейных и династических правил, то же самое происходит в Китае (*kuo-chia*) и в Японии (*kokka*) (Hwang K. M. Country or State? Reconceptualizing *Kukka* in the Korean Enlightenment period 1896–1910 // Korean Studies. 2000. № 24. P. 1–24. Wook T. S. The concepts of State (Kuo-Chia) and People (Min) in the Late Ch'ing, 1890–1907: The case of Liang Ch'i-ch'ao, T'an Ssu-t'ung and Huang Tsun-hsien. Thèse de doctorat. University of California, 1980).

²⁷ См.: Chakrabarty D. Provincialiser l'Europe: La pensée postcoloniale et la différence historique. Amsterdam, 2009.

содержат, но не имеют»,²⁸ и лишь их использование (и в данном вопросе Скиннер и Козеллек совершенно единомышленны), а именно социальные и политические условия, дает нам право высказываться о значении данного понятия: «временная связь между понятиями и состоянием вещей» является «ключом концептуальной истории». ²⁹ Козеллек продемонстрировал роль этих составляющих с помощью геологической метафоры: они действуют как «временные семантические отложения», возникшие в прошлом, часть из которых действуют еще и в настоящем. ³⁰ Однако в силу того, что у каждого существует своя темпоральность, история не разворачивается в каком-то одном, естественном, хронологическом времени. Она разворачивается в многообразии времен, которые мы называем *историческими*, так как они характеризуются своими значениями и изменениями. Эти темпоральности сосуществуют, не могут быть разделены эмпирически, что позволяет преодолеть дихотомию «диахрония–синхрония». ³¹ Поэтому изменение в истории не влияет на совокупность отложений структуры в определенный момент и не происходит одномоментно. Изменение может включать в себя частичные изменения различной интенсивности, а также более стабильные ситуации. Здесь нам вряд ли помогут категории прерывистости и последовательности. ³²

²⁸ "Begriffe als solche haben keine Geschichte. Sie enthalten Geschichte, haben aber keine" (Koselleck R. Begriffsgeschichtliche Probleme der Verfassungsgeschichtsschreibung // Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik... S. 374). Имеется в виду, что понятие принадлежит контексту: оно содержит в себе множественность исторического опыта своего времени.

²⁹ Koselleck R. Die Geschichte der Begriffe und Begriffe der Geschichte // Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik... S. 61.

³⁰ Относительно перевода *Schichten* как отложения, а не пласта английские переводчики книги Козеллека дали следующее объяснение: «Немецкое слово и название книги Козеллека — *Zeitschichten*. В этом слове объединены слова "время" (*Zeit*) и "пласт" (*Schichten*). С точки зрения этимологии *Geschichte* происходит от *Geschehen* (событие, случай) и *Gesteinsschichten* (горный пласт). Этот термин создает пространственный образ различных сосуществующих слоев, которые разрастаются или оседают с различной скоростью. Мы решили перевести *Zeitschichten* как временной "осадок", а не как "пласты", относящиеся более к геологии, с тем, чтобы в большей мере получить доступ к процессу временного нарастания (и эрозии). Метафора отложений включает в себя объединение, строительство, укрепление посредством наслаивания опыта и событий, а также напряжение на линиях разломов, возникающих между различными осадочными образованиями» (Hoffmann S.-L., Franzel S. Introduction: Translating Koselleck // *Sediments of Time. On possible Histories*. Stanford, 2018. P. XIV).

³¹ См.: Koselleck R. Die Geschichte der Begriffe und Begriffe der Geschichte // Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik... S. 21.

³² См.: Ингерфлом К. С. Как осмыслить перемены, не пользуясь категориями разрыва и преемственности: герменевтический взгляд на революцию 1917 г. в свете истории понятия // Фи-

Сталин: «Историю мы выбрасывать не можем»

Примечательно, что Р. Козеллек неоднократно использовал концептуальную историю с целью анализа современности. В показательный 2001 г. он отмахивается от конца истории: «Что бы ни случилось с государством или с тем, что придет ему на смену в XXI веке...»³³ [выделено мной — К. И.]. Как и в отношении предшествовавших эпох, он сохраняет возможность идентифицировать новое и неизменное. В его, к сожалению, последнем тексте, его позиция ясна и определена: «Историческая природа человеческого существа или, выражаясь эпистемологическими терминами, историческая антропология, располагается между двумя полюсами нашего ментального опыта: постоянной повторяемостью и постоянным обновлением. В таком случае возникает вопрос: как анализировать и представлять в качестве отложений (*abschichtig*) различные соотношения, в которых эти два полюса смешиваются». ³⁴

Изучение российского настоящего не может избежать этого вопроса. Рассмотрим один пример. В последние 25 лет в России появляется все больше памятников во славу Ивана IV. Он пробыл у власти 51 год и сделал невозможным найти критерий оценки его политики, так как применил стратегию, осознанно сделавшую неразличимыми правду и вымысел. ³⁵ Иван Грозный проводит важные реформы в управлении, завоевывает множество соседних территорий, окружает себя настоящей личной армией, наводящей ужас на народ, казнит часть знати и бояр... Но при его правлении территория Москвы удваивается и становится больше, чем оставшаяся часть Европы. Иван Грозный — это царь, заложивший принципы самодержавия, некоторые из которых сохранились надолго. Всем известно восхищение Сталина этим первым царем и его методами правления. Нельзя не вспомнить его беседу с Эйзенштейном. Партия заказала режиссеру фильм об Иване Грозном. Но первая версия,

лософия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 2, № 3. С. 171–204.

³³ Koselleck R. Begriffliche Innovationen der Aufklärungssprache // Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik... S. 339.

³⁴ Koselleck R. Wiederholungsstrukturen in Sprache und Geschichte // *Saeculum*. 2006. Vol. 57/1. S. 2.

³⁵ Для анализа этой стратегии см.: Ингерфлом К. С. Аз есмь царь. История самозванства в России. М., 2020.

рассмотренная Политбюро, не понравилась Сталину. 26 февраля 1947 г. в присутствии Молотова и Жданова он принимает Эйзенштейна и Черкасова. Сталин упрекает их в том, что они представили *опричнину*, «как если бы это были ку-клукс-кланы... каннибалы», в то время как, с точки зрения кремлевского вождя, это была «прогрессивная армия». Он же продолжает: «Царь у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. <...> Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким».

Заявив о необходимости «национальной точки зрения», Сталин обращается к критике Петра I, который «слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота». Сталин подчеркивает необходимость «реинкарнации» Ивана Грозного (в фильме)

и проявляет большой энтузиазм во время сцены, когда появляется будущий царь: «Очень хорош <...> Он очень хорошо ловит мух,... будущий царь, а ловит руками мух! Такие детали нужно давать. В них раскрывается сущность человека». Наконец, Сталин вспоминает свой упрек в адрес Демьяна Бедного: «...он забыл связь с предками. Историю мы выбрасывать не можем».³⁶ Нужно сохранять связь с нашими предками, мы не можем или не хотим «выбрасывать» историю: неявные вопрос и ответ Сталина касаются того, что Козеллек обозначил семантическими отложениями прошлого и их ролью в настоящем.

К генеалогии настоящего

На протяжении нескольких лет на наших глазах происходит, если следовать формулировке М. Фуко, смена типа правительности, которая кажется труднодостижимой, если не учитывать ее историческую плотность. Представляется необходимым идентифицировать подводные течения, возникшие вследствие перемещения семантических пластов, направленных на удержание двух полюсов, о которых говорит Козеллек, — «постоянной повторяемости и постоянного обновления». Речь, таким образом, идет о том, чтобы частично деконструировать генеалогию настоящего.

Claudio S. Ingerflom

Researcher, National University of General San Martín (Argentina, Buenos Aires)

E-mail: claudio.ingerflom@gmail.com

REQUIEM FOR THE STATE – SOCIETY PARADIGM

R. Koselleck laid down and developed the foundations of understanding history as a process in the plural. Begriffsgeschichte is not just a history of concepts. Conceptual history suggests research work, which is based on the theory of historical times and vice versa, the theory, constantly tested by specific historical research. From these positions, the author of this article emphasizes the irrelevance of the evolutionist and teleological paradigms used within the framework of the positivist approach to studying history. It is noted that already from the first third of the 19th century the study of the history of each country was carried out in the context of the «state – society» opposition. This led to the transformation of the concepts formed in the era of modernity into analytical categories for reading earlier sources and modern interpretation of the distant past. There are two reasons for the existence of such a view of history: 1) political – aimed at artificially creating a long genealogy of the state, which was used by dictatorial regimes that want to give themselves a strong historical legitimacy; 2) epistemological, which is the result of an incorrect identification of *word* and *concept*. This confusion is based on the assumption that words represent ideas which contain a permanent semantic core, that is, ideas can adapt to change, but the core does not change. This attitude, according to the author, leads to a cognitive impasse. A vivid illustration of this situation is the use of the phrases “feudal state” or “state of the Middle Ages”, in the time of which the very word *state* (estado, état) meant “dignity”, “status” and could have other connotations, but did not have the meaning it acquired when it became *a concept* meaning a legal and political order based on popular sovereignty, representation, equality and other phenomena

³⁶ Сталин И. В. Соч. Тверь, 2006. Т. 18. С. 433–440.

born of the French Revolution. In Russia, the meaning of the concept of “state” changed at the end of the 18th century with the simultaneous coexistence of the previous patrimonialist semantics inherent in both the term “sovereign” and the actual functioning of the Russian Imperial system. This traditional semantics was also present in the 20th century both in the imperial family and among the people. Consequently, the historian must take into account both the repeatability of structures and the uniqueness of events. The author comes to the conclusion that it is necessary to identify the coexistence of different temporalities, the modernity of what is not modern, and to avoid division into diachrony and synchrony. It is this approach that best reflects the main heuristic value of Koselleck’s *theory of historical times* for concrete historical research.

Keywords: *Koselleck, conceptual history, history of concepts, state, concept, historiography, teleology, anachronism*

REFERENCES

- Abadía J. L. España y la Monarquía universal (en torno al concepto de “Estado moderno”). *Quaderni Fiorentini per la storia del pensiero giuridico moderno*. 1986, no. 15, pp. 109–166. (in Spanish).
- Braudel F. *Écrits sur l'histoire*. Paris: Flammarion, 1969. (in French).
- Chakrabarty D. *Provincialiser l'Europe: La pensée postcoloniale et la différence historique*. Paris: Éd. Amsterdam, 2009. (in French).
- Cherniavsky M. *Tsar and People: Studies in Russian Myths*. New Haven; London: Yale University Press, 1961. (in English).
- Clavero B. De un estado, el de Osuna, y un concepto, el de Estado. *Anuario de Historia des derecho español*, 1987, vol. 57, pp. 945–964. (in Spanish).
- Clavero B. *Tantas personas como Estados. Por una antropología política de la historia europea*. Madrid: Editorial Tecnos, 1986. (in Spanish).
- Conze W., Klippel D., Koselleck R. Staat und Souveränität. *Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1990, Bd. 6, ss. 6–23. (in German).
- Duso G. Oltre il nesso sovranità-rappresentanza: un federalismo senza Stato? *Ripensare la Costituzione*. Milan: Polimetria, 2008, pp. 183–201. (in Italian).
- Forest J.-D. *Mésopotamie, l'apparition de l'État, VIIe–IIIe millénaire*. Milan; Paris: Méediterranée, 1996. (in French).
- Foucault M. *Dits et Écrits 1954–1988*. Paris: Gallimard, 1994, tom 4: 1980–1988. (in French).
- Foucault M. *Sécurité, territoire, population, Cours au Collège de France (1977–1978)*. Paris: Le Seuil, 2004. (in French).
- Hespanha A. *Vísperas del Leviatán. Instituciones y poder político (Portugal, siglo XVII)*. Madrid: Taurus Humanidades, 1989. (in Spanish).
- Hintze O. *Staat und Verfassung, gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962. (in German).
- Hoffmann S.-L., Franzel S. Introduction: Translating Koselleck. *Sediments of Time. On possible Histories*. Stanford: Stanford University Press, 2018, pp. IX–XXXI. (in English).
- Huot J.-L. Vers l'apparition de l'État en Mésopotamie. Bilan des recherches récentes. *Annales. Histoire, Sciences Sociales*, vol. 60, no. 5, 2005, pp. 953–973. (in French).
- Hwang K. M. Country or State? Reconceptualizing Kukka in the Korean Enlightenment period 1896–1910. *Korean Studies*, 2000, no. 24, pp. 1–24. (in English).
- Ingerflom C. S. *Az yesm' tsar'. Istoriya samozvanstva v Rossii* [Az esm tsar. The history of imposture in Russia]. Moscow: NLO Publ., 2020. (in Russ.).
- Ingerflom C. S. [How to Comprehend the Changes without the Categories of Rupture and Continuity: a Hermeneutical Approach to the Revolution of 1917 in the Light of Conceptual History]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 2018, vol. 2, no. 3, pp. 171–204. DOI: 10.17323/2587-8719-2018-II-3-171-204 (in Russ.).
- Koselleck R. *Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft. Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000, ss. 298–316. (in German).

- Koselleck R. *Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik des politischen und sozialen Sprache*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2006. (in German).
- Koselleck R. Enleitung. *Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1972, Bd. 1, ss. XIII–XXVII. (in German).
- Koselleck R. Staat und Souveränität. *Geschichtliche Grundbegriffe: historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1990, Bd. 6, ss. 25–64. (in German).
- Koselleck R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. (in German).
- Koselleck R. Wiederholungsstrukturen in Sprache und Geschichte. *Saeculum*, 2006, vol. 57/1, ss. 1–16. (in German).
- Koselleck R. Zeitschichten. *Zeitschichten. Studien zur Historik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2000, ss. 19–26. (in German).
- Lewis B. [Government and State]. *Belleten [By Memory]*, 1982, vol. 46, no. 182, pp. 415–421. (in Turkish).
- Lieven D. *Nicholas II. Twilight of the Empire*. New York: St. Martin's Griffin, 1996. (in English).
- Presnyakov A. E. [Autocracy of Nicholas I]. *Russkoye proshloye [Russian past]*. Petrograd; Moscow: Petrograd Publ., 1923, iss. 2, pp. 3–21. (in Russ.).
- Schaub J.-F. Le Temps et l'Etat. Vers un nouveau régime historiographique de l'Ancien régime français. *Quaderni Fiorentini*, 1996, no. 25, pp. 127–172. (in French).
- Skalweit S. Der “moderne Staat”. Ein historischer Begriff und seine Problematik. *Der “moderne Staat” Ein historischer Begriff und seine Problematik. Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1975, Vorträge G 203, ss. 5–27. DOI: 10.1007/978-3-322-88169-4_1 (in German).
- Skinner Q. From the state of princes to the person of state. *Visions of Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002, vol. 2, pp. 368–413. (in English).
- Wook T. S. The concepts of State (Kuo-Chia) and People (Min) in the Late Ch'ing, 1890–1907: The case of Liang Ch'i-ch'ao, T'an Ssu-t'ung and Huang Tsun-hsien: Doctoral Diss. University of California, 1980. (in English).

Для цитирования: Ингерфлом К. С. Реквием по парадигме «государство — общество» // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 74–83. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-74-83.

For citation: Ingerflom C. S. Requiem for the “state — society” paradigm // Ural Historical Journal, 2022, no. 3 (76), pp. 74–83. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-3(76)-74-83.